

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.05.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-6-239-245

Дата принятия рукописи в печать: 25.06.2026 г.

ПОЗДНЯКОВА Виктория Игоревна,

магистрант юридического факультета Юго-Западного государственного университета,

e-mail: viktoriapozd@mail.ru

ВОВЛЕЧЕНИЕ В ТЕРРОРИСТИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОСРЕДСТВОМ ДИСТАНЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА АТАК С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ БЕСПИЛОТНЫХ ВОЗДУШНЫХ СУДОВ

Аннотация. Статья посвящена исследованию уголовно-правовых проблем квалификации террористических актов, совершаемых с использованием беспилотных воздушных судов, в условиях стремительного развития дистанционных технологий. В рамках предмета анализируется несоответствие действующей редакции ст. 205 УК РФ и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 современным технологическим реалиям, а именно их ориентация на «классические» способы совершения теракта (взрыв заложенного устройства, поджог) и отсутствие учёта специфики применения БВС. Особое внимание уделяется выявленному на основе анализа судебной практики фактическому сдвигу момента окончания теракта на стадию запуска дрона, не получившему закрепления в разъяснениях высшей судебной инстанции. Кроме того, в предмет исследования включены две модели использования БВС при совершении теракта («дрон как носитель взрывного устройства» и «дрон как поражающий элемент»), а также проблемы соучастия при многоуровневой организации атак, включая вопросы квалификации действий программиста и наводчика. Методологическую основу работы составили общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, системный подход), а также частнонаучные: формально-юридический, сравнительно-правовой и метод анализа судебной практики. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые на основе анализа судебной практики 2023–2025 гг. выявлен и теоретически обоснован фактический сдвиг момента окончания террористического акта с использованием беспилотных воздушных судов на стадию запуска дрона. Систематизированы две модели применения БВС в террористических целях («дрон как носитель взрывного устройства» и «дрон как поражающий элемент»), выявлены правовые пробелы при квалификации кинетического тарана. Раскрыты проблемы соучастия при многоуровневой организации атак, включая вопросы ответственности программиста и наводчика. Сформулированы авторские предложения по дополнению Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1 положениями, определяющими момент окончания теракта с момента взлёта БВС в направлении цели, а также разъясняющими ответственность лица, осуществившего программирование полётного задания. Сделан вывод о необходимости адаптации судебного толкования к новым технологическим вызовам.

Ключевые слова: террористический акт, беспилотное воздушное судно, БВС, взрывное устройство, дрон-камикадзе, квалификация преступлений, момент окончания преступления, соучастие, дистанционные технологии, уголовно-правовое противодействие.

POZDNYAKOVA Victoria Igorevna,

Graduate student of the Faculty of Law Southwest State University

INVOLVEMENT IN TERRORIST ACTIVITIES THROUGH REMOTE TECHNOLOGIES: CRIMINAL AND LEGAL ASSESSMENT OF ATTACKS USING UNMANNED AIRCRAFT

Annotation. The article is devoted to the study of the criminal law problems of the qualification of terrorist acts committed using unmanned aircraft in the context of the rapid development of remote technologies. The subject analyzes the inconsistency of the current version of Article 205 of the Criminal Code of the Russian Federation and the explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 02/09/2012 No. 1 with modern technological realities, namely their focus on the "classic" methods of committing a terrorist act (explosion of a planted device, arson) and the lack of consideration of the specifics of the use of UAVs. Particular attention is

paid to the actual shift of the moment of the end of the terrorist attack to the drone launch stage, which was not fixed in the explanations of the highest court, revealed on the basis of the analysis of judicial practice. In addition, the subject of the study includes two models of the use of UAVs in the commission of a terrorist attack ("drone as a carrier of an explosive device" and "drone as a striking element"), as well as problems of complicity in the multi-level organization of attacks, including issues of qualification of the actions of the programmer and the gunner. The methodological basis of the work consists of general scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction, a systematic approach), as well as private scientific methods: formal law, comparative law, and the method of analyzing judicial practice. The scientific novelty of the study lies in the fact that for the first time, based on the analysis of judicial practice in 2023-2025, the actual shift of the moment of the end of a terrorist act using unmanned aircraft to the drone launch stage has been identified and theoretically justified. Two models of the use of UAVs for terrorist purposes ("drone as a carrier of an explosive device" and "drone as a striking element") are systematized, and legal gaps in the qualification of kinetic ramming are identified. The problems of complicity in the multi-level organization of attacks are revealed, including the issues of responsibility of the programmer and the gunner. The author's proposals have been formulated to supplement the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 with provisions defining the moment of the end of the terrorist attack from the moment the UAV took off in the direction of the target, as well as clarifying the responsibility of the person who carried out the programming of the flight mission. The conclusion is made about the need to adapt judicial interpretation to new technological challenges.

Key words: *terrorist act, unmanned aerial vehicle, UAV, explosive device, kamikaze drone, qualification of crimes, the moment of the end of the crime, complicity, remote technologies, criminal law counteraction.*

Стремительное развитие беспилотных технологий, совпавшее по времени с эскалацией глобальной геополитической напряжённости, поставило перед уголовно-правовой наукой и правоприменительной практикой принципиально новые задачи. Если на протяжении десятилетий террористический акт ассоциировался преимущественно с действиями, требующими физического присутствия исполнителя на месте преступления, то сегодня реальность диктует иные сценарии. Дистанционно управляемые и автономные беспилотные воздушные суда превратились в орудие поражения, способное действовать на значительном удалении от оператора, стирая привычные пространственно-временные границы преступного посягательства.

Действующая конструкция ст. 205 УК РФ, а также разъяснения, содержащиеся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», исторически ориентированы на так называемые «классические» способы совершения террористического акта. К их числу относятся, прежде всего, взрыв заранее заложенного устройства, поджог либо совершение иных действий, предполагающих непосредственное нахождение исполнителя в месте совершения преступления или в непосредственной близости от него.

Однако на фоне текущей геополитической обстановки, а также в условиях бурного

технологического прогресса в период 2023-2025 гг. произошёл качественный скачок в использовании беспилотных воздушных судов (далее - БВС) для совершения террористических актов. Атаки дронов-камикадзе, сброс взрывных устройств с коммерческих коптеров, таран объектов инфраструктуры перестали быть гипотетической угрозой и стали реальностью судебной и следственной практики. Достаточно указать на массированные атаки БВС на объекты энергетики, транспортной инфраструктуры и места массового скопления людей на территории Российской Федерации, в том числе в Курской, Белгородской и иных приграничных областях. Так, только за 2025 год на территории Российской Федерации было зафиксировано около 4 000 атак с использованием БВС, что более чем на треть превышает показатели предыдущего года [1].

Указанный разрыв порождает правовую неопределённость в вопросах квалификации подобных противоправных деяний. По смыслу разъяснений ранее обозначенного постановления Пленума № 1, взрыв традиционно предполагает предварительную закладку устройства и его последующую детонацию. При атаке же дрона-камикадзе эти этапы не просто объединяются, а напротив, оказываются разведены во времени и пространстве: момент старта (взлёт, выход на боевой курс) и момент поражения цели (взрыв, таран) могут разделять десятки секунд или даже минут [2, С. 67]. Именно этот разрыв порождает правовой «вакуум».

Обозначенная проблема находит свое

отражение также в правоприменительной практике. Обращая вектор исследования к вопросу рассмотрения судами Курской области исследуемой категории дел, логично отметить, что они явно демонстрируют как устойчивую практику квалификации атак с использованием БВС по ст. 205 УК РФ, так и фактический сдвиг момента окончания теракта на стадию запуска дрона, не закреплённый, однако, в разъяснениях Пленума.

В целом анализ судебной практики, который позволяет выделить две основные модели использования БВС при совершении теракта. Первая – «дрон как носитель взрывного устройства»: дрон доставляет заряд к цели и сбрасывает его либо сам дрон взрывается при ударе (камикадзе). В данном случае содеянное квалифицируется как взрыв. Вторая – «дрон как поражающий элемент»: дрон используется для тарана объекта без взрывчатки, но с достаточной кинетической энергией для разрушения или повреждения (например, удар по ЛЭП, обрушение конструкций). Здесь возникает вопрос о квалификации: подпадает ли такой таран под «иные действия, создающие угрозу гибели людей»? Представляется, что да, но действующие разъяснения Пленума этого прямо не предусматривают.

Указанная неопределённость порождает правовой пробел. В рамках классического понимания, отражённого в Постановлении Пленума № 1, под взрывом традиционно понимается закладка взрывного устройства в определённом месте и его последующая детонация в выбранный момент. Для дрона-камикадзе данные стадии фактически сливаются, однако сам процесс оказывается разнесён во времени и пространстве: момент «закладки» (взлёт, взятие боевого курса) и момент взрыва (достижение цели) разделены интервалом, который может составлять от нескольких секунд до десятков минут.

Для иллюстрации выявленного разрыва обратимся к двум уголовным делам, рассмотренным судами на территории Курской области.

Дело № 1 связано с атакой на пляж «Городской» г. Купска. Вечером 8 июля 2025 года неустановленными лицами из состава Вооружённых сил Украины был осуществлён запуск двух БВС самолётного типа, оснащённых взрывными устройствами. Целью атаки избрано место массового скопления людей – городской пляж. Поражение объектов осуществлялось посредством детонации взрывчатого вещества на основе гексогена с добавлением металлических поражающих элементов. В результате детонации четыре человека погибли, включая малолетнего

ребёнка, ещё шесть пострадавших получили ранения различной степени тяжести.

По данному факту по решению 2-й Западного окружного военного суда в заочном порядке осуждены командиры 14-го отдельного полка беспилотных систем ВСУ Д. Коляда и Н. Зеленко. Содеянное квалифицировано по ст. 205 УК РФ как террористический акт, повлёкший тяжкие последствия. Обоим фигурантам назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы [3].

Данное дело иллюстрирует судебную практику квалификации атак с использованием БВС именно по ст. 205 УК РФ. Однако в данном случае состав признан оконченным, поскольку взрыв произошёл. Если бы дроны были сбиты на подлёте, по действующим разъяснениям квалификация была бы неочевидной.

Дело № 2 сопряжено с наведением дронов на аэропорт и вокзал (август 2023 г.). Житель Московской области Э. Марченко передал представителям ВСУ координаты аэропорта и железнодорожного вокзала в Курске для наведения дронов. В результате атаки были повреждены жилые дома, здание университета, автомобили. Пострадавших нет, поскольку дроны не достигли цели по независящим от исполнителей причинам. Суд квалифицировал действия Марченко по п. «а», «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ (теракт группой лиц с причинением значительного ущерба), в результате чего ему было назначено наказание – 16 лет колонии строгого режима [4].

Значение данного дела принципиально иное: суд признал состав преступления оконченным с момента запуска дронов, несмотря на то, что они не достигли цели. Это важнейший эмпирический аргумент в пользу позиции о необходимости переноса момента окончания теракта на более раннюю стадию. Кроме того, дело иллюстрирует ответственность пособника (наводчика), который не запускал дрон, но обеспечил преступление целеуказанием.

Сопоставление двух дел показывает, что судебная практика уже фактически сдвигает момент окончания теракта на стадию запуска дрона (дело Марченко), однако эта позиция не закреплена в разъяснениях Пленума. В деле о пляже «Городской» вопрос о моменте окончания не вставал, поскольку взрыв произошёл. Таким образом, сохраняется риск разнообразия судебной практики: одно и то же деяние (запуск дрона, сбитого на подлёте) в одном регионе может быть признано оконченным терактом, а в другом – покушением.

Обращаясь к юридической доктрине в целях уяснения позиции исследователей по затронутому вопросу, необходимо отметить, что в литературе иногда высказывается мнение о том,

что дистанционное управление дроном создаёт особые проблемы для института соучастия. Как справедливо отмечает Е.Н. Архипова, проблема заключается не в дистанционности как таковой (управление на расстоянии не меняет юридической природы действий), а в установлении ролей каждого из участников и доказывании их умысла, особенно в случаях, когда прямое управление отсутствует либо рассредоточено между несколькими лицами [5, С. 20].

Типичная схема организации атаки с использованием БВС включает несколько уровней участников. Организатор разрабатывает план атаки, координирует действия других лиц, обеспечивает финансирование, связь и логистику. Примером может служить дело об атаке на пляж «Городской», где организаторами признаны командиры 14-го отдельного полка беспилотных систем ВСУ. Пособник предоставляет дрон, взрывчатку, программное обеспечение, каналы связи либо целеуказание (координаты цели). В деле Марченко пособник передал представителям ВСУ координаты аэропорта и железнодорожного вокзала в Курске. Исполнитель – лицо, непосредственно управляющее дроном в момент атаки либо программирующее автопилот. В рассмотренных делах исполнители не были установлены либо действовали по указанию организаторов.

Стоит отметить, что наибольшие сложности возникают при доказывании умысла пособника. Например, лицо, передающее дрон или предоставляющее доступ к спутниковой навигации, может утверждать, что не знало о террористической цели. Как отмечает С.В. Маликов, отсутствие прямого указания в законе на такие формы пособничества создаёт риск необоснованного оправдания [6, С. 215]. А.Г. Кибальник также обращает внимание на то, что при технологически опосредованных преступлениях традиционные критерии соучастия требуют адаптации [7, С. 4].

Кроме того, в схемах с автоматическим наведением или предварительным программированием маршрута исполнитель может вообще отсутствовать как физическое лицо, управляющее в реальном времени. В таких случаях возникает вопрос: следует ли признавать исполнителем программиста, заложившего маршрут, или организатора, отдавшего команду на запуск? Представляется, что ответ зависит от степени контроля над действиями дрона, однако чётких критериев в законе и разъяснениях Пленума не содержится.

В данном вопросе Е.Н. Архипова абсолютно справедливо акцентирует внимание на проблемах соучастия, справедливо отмечая, что

дистанционное управление размывает границы между исполнителем и пособником. Её основной довод состоит в том, что оператор, находящийся за тысячи километров, не вписывается в классическую модель «непосредственного совершения преступления», закреплённую в ч. 2 ст. 33 УК РФ [5, С. 19], поскольку традиционное понимание исполнителя предполагает его физическое присутствие в месте совершения преступления либо непосредственное воздействие на объект посягательства. Архипова доказывает, что технологическое опосредование не отменяет ответственности оператора, но требует пересмотра критериев разграничения соучастников. Вместе с тем проблема её подхода заключается в том, что автор оставляет открытым вопрос о формах соучастия лиц, которые вообще не имеют доступа к управлению дроном, например, наводчика, предоставляющего координаты, или программиста, закладывающего маршрут. Без чётких критериев эти лица могут остаться вне уголовной ответственности либо, напротив, получить необоснованно мягкую квалификацию.

Проблема квалификации террористических актов с использованием БВС начинает привлекать внимание исследователей, однако единого подхода пока не выработано. Так, в уголовно-правовой доктрине обосновывается необходимость расширительного толкования «иных действий» применительно к беспилотным технологиям, поскольку удар дрона (таран) не всегда подпадает под признаки взрыва или поджога [8, С. 61]. Основной аргумент сторонников данного подхода заключается в том, что действующие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ были разработаны до массового распространения БВС и не учитывают кинетическое поражение как самостоятельный способ создания общепаспортной ситуации. Однако ключевой пробел данного подхода видится в том, что в его рамках не предлагаются конкретные критерии для определения момента окончания преступления. Остаётся неясным, следует ли считать теракт оконченным в момент запуска дрона, в момент взятия им боевого курса или только в момент физического контакта с объектом. Без ответа на этот вопрос любое расширительное толкование «иных действий» остаётся декларативным.

А.Г. Кибальник, анализируя терроризм в целом, отмечает общее отставание уголовно-правовых норм от технологического прогресса. Его аргументация строится на том, что законодатель традиционно реагирует на уже сложившиеся способы совершения преступлений, тогда как новые технологии появляются быстрее, чем вносятся изменения в УК РФ [9, С. 47]. Однако главный недостаток

подхода Кибальника применительно к теме настоящего исследования заключается в том, что БВС рассматриваются им лишь как один из многих технических средств, а не как самостоятельное орудие преступления, меняющее конструкцию состава. Он не анализирует, как автономность дрона (возможность полёта по заранее запрограммированному маршруту без участия оператора) или возможность его перехвата средствами ПВО влияют на квалификацию стадий преступления, в частности, на разграничение оконченного теракта и покушения на его совершение.

Зарубежные исследователи также фиксируют разрыв между уголовным правом и беспилотными технологиями. А. Rogers обращает внимание на то, что использование дронов в немеждународных вооружённых конфликтах создает «серую зону» между военным и уголовным правом: одни и те же действия могут квалифицироваться как военное преступление, террористический акт или акт самообороны в зависимости от контекста, что порождает правовую неопределённость [10, С. 304]. М. Schmitt акцентирует проблему «автономных систем»: чем выше степень автономии дрона (способность самостоятельно принимать решение о поражении цели без участия человека), тем сложнее определить субъекта ответственности. Шмитт предлагает возлагать ответственность на лицо, которое запрограммировало дрон или отдало команду на запуск, однако признаёт, что в действующем праве многих государств такая позиция прямо не закреплена [11, С. 263].

Вместе с тем выводы зарубежных авторов базируются на иных правовых системах (общее право США и Великобритании), где момент окончания преступления часто связан с наступлением вреда, а не с созданием угрозы, как в российском формальном составе ст. 205 УК РФ. Это ограничивает применимость их подходов к российской действительности. Кроме того, зарубежные исследования преимущественно сосредоточены на международном гуманитарном праве и вооружённых конфликтах, тогда как теракт с использованием БВС может совершаться и вне военного контекста, например, против гражданских объектов в тылу.

Таким образом, на сегодняшний день отсутствует системное исследование, которое бы предложило конкретные критерии разграничения момента возникновения угрозы и момента окончания теракта применительно именно к БВС, а также адаптировало бы институт соучастия к многоуровневой структуре управления дронами. Настоящая статья призвана восполнить этот пробел.

В целях устранения выявленного

правового пробела и приведения разъяснений высшей судебной инстанции в соответствие с современными технологическими реалиями предлагается дополнить Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 новым абзацем (в рамках разъяснения по ст. 205 УК РФ) следующего содержания:

«Под использованием беспилотного воздушного судна (БВС) при совершении террористического акта (ст. 205 УК РФ) понимается управление БВС, несущим взрывное устройство, легковоспламеняющуюся или иную жидкость, горючий газ, либо оснащённым для кинетического поражения (тарана) объекта, если такое управление осуществляется с намерением создать угрозу гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общепасных последствий.

Террористический акт с использованием БВС следует признавать оконченным с момента приведения БВС в движение (взлёта, запуска двигателя) в направлении объекта поражения при условии, что БВС оснащён поражающим элементом, способным реализовать указанную угрозу, независимо от того, достиг ли БВС цели и произошла ли детонация взрывного устройства».

Одновременно с этим, учитывая высокую степень автономности современных БВС, необходимо разъяснить вопросы соучастия. В частности, еще одно положение, которым рационально дополнить обозначенное ППВС РФ, является следующее: «Лицо, осуществившее программирование полетного задания (введение координат цели, активация режима автоматического наведения на заданный сектор) для поражения объекта, осознающее террористический характер своих действий, подлежит ответственности как исполнитель террористического акта вне зависимости от факта его непосредственного физического контакта с пультом управления в момент атаки».

Предлагаемое разъяснение не вводит новый состав преступления, а лишь уточняет применение существующего, что является классической функцией постановлений Пленума. Разъяснения Пленума обладают высокой степенью авторитетности для судов и позволяют оперативно реагировать на новые технологические вызовы без длительной законодательной процедуры. Кроме того, включение в Пленум позволит унифицировать судебную практику, избегая ситуации, когда одно и то же деяние (запуск дрона, сбитаго на подлёте) в одном регионе квалифицируется как оконченный теракт, а в другом – как покушение. Наконец, разъяснение Пленума может быть принято значительно быстрее, чем внесение изменений в УК РФ, что особенно важно в

условиях сохраняющейся террористической угрозы с использованием БВС.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы. Действующая конструкция ст. 205 УК РФ и разъяснения Пленума Верховного Суда РФ № 1 ориентированы на классические способы совершения теракта (взрыв заложенного устройства, поджог) и не учитывают технологическую специфику беспилотных воздушных судов. Использование БВС создаёт разрыв между моментом начала преступного посягательства (взлёт дрона) и моментом его юридического завершения (взрыв), что порождает три группы проблем: невозможность квалифицировать перехват дрона на подлёте как оконченный теракт, путаницу в определении способа преступления (взрыв или иные действия), а также трудности в установлении ролей соучастников.

Анализ судебной практики показывает, что суды уже фактически признают теракт оконченным с момента запуска дронов. Особенно показательным делом является дело Марченко, где дроны не достигли цели, но состав преступления был признан оконченным. Однако эта позиция не закреплена в разъяснениях Пленума, что создаёт риск разнообразия судебной практики.

Проблема соучастия заключается не в дистанционном управлении как таковом, а в установлении ролей организатора, пособника и исполнителя, а также в доказывании умысла пособника. Наибольшие сложности возникают с квалификацией действий лиц, предоставляющих целеуказание или технические средства, а также с определением исполнителя в схемах с автоматическим наведением, где физическое лицо может отсутствовать в момент атаки.

В целях устранения выявленного пробела предлагается дополнить Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 разъяснением, согласно которому теракт с использованием БВС признаётся оконченным с момента взлёта дрона в направлении цели при наличии поражающего элемента, а кинетический таран дрона квалифицируется как «иные действия». Такое разъяснение позволит унифицировать судебную практику, квалифицировать перехват дрона на подлёте как оконченный теракт и повысить эффективность уголовно-правового противодействия новым технологическим угрозам.

Список литературы:

[1] Статистика атак БПЛА по регионам России за 2025 год (данные мониторинга открытых источников) // Европейско-Азиатские Новости. 2025. 16 декабря. — URL: <https://eanews.ru/rossiya/20251216110000/pochemu-geografiya->

[atak-rasshiraetsya-a-pvo-spravlyaetsya-ne-vsegda-bespilotnye-itogi-2025-goda](#) (дата обращения: 10.04.2026).

[2] Кибальник А. Г. Преступления против мира и безопасности человечества: монография. — М.: Юрлитинформ, 2004. — 256 с.

[3] Украинские командиры Зеленко и Коляда заочно приговорены к пожизненному лишению свободы // 2-й Западный окружной военный суд: официальный сайт. 2025. 10 декабря. — URL: http://2zovs--msk.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=124 (дата обращения: 12.04.2026).

[4] Житель Московской области признан виновным в совершении террористического акта с использованием беспилотных летательных аппаратов на объекты гражданской инфраструктуры города Курска // Следственный комитет Российской Федерации: официальный сайт. 2025. 12 августа. — URL: <https://sledcom.ru/press/smi/item/2009512/> (дата обращения: 12.04.2026).

[5] Архипова Е. Н. Проблемы соучастия при совершении преступлений с использованием дистанционно управляемых устройств // Уголовное право. — 2023. — № 6. — С. 18-25.

[6] Маликов С. В. Уголовное право. Общая часть: учебник для бакалавров. — М.: Проспект, 2022. — 456 с.

[7] Кибальник А. Г. Некоторые проблемы понимания соучастия в решениях современных международных трибуналов // Международное уголовное право и международная юстиция. — 2013. — № 6. — С. 3-6.

[8] Чучаев А. И., Грачева Ю. В., Маликов С. В. Посягательстванаинформационную систему беспилотника в этиологии дорожно-транспортных происшествий // Всероссийский криминологический журнал. — 2021. — Т. 15, № 1. — С. 55-67.

[9] Кибальник А. Г. Технологический прогресс и отставание уголовного закона: постановка проблемы // Государство и право. — 2023. — № 8. — С. 45-53.

[10] Rogers A. P. V. Law on the Battlefield. — 3rd ed. — Manchester: Manchester University Press, 2012. — 402 p.

[11] Schmitt M. N., Thurnher J. S. “Out of the Loop”: Autonomous Weapon Systems and the Law of Armed Conflict // Harvard National Security Journal. — 2013. — Vol. 4, no. 2. — Pp. 231-281.

References:

[1] Statistika atak BPLA po regionam Rossii za 2025 god (dannye monitoringa otkrytyh istochnikov) // Evropejsko-Aziatskie Novosti. —

2025. — 16 dekabrya. — URL: <https://eanews.ru/rossiya/20251216110000/pochemu-geografiya-atak-rasshiraetsya-a-pvo-spravlyaetsya-ne-vsegda-bespilotnye-itogi-2025-goda> (data obrashcheniya: 10.04.2026).

[2] Kibal'nik A. G. (2004) Prestupleniya protiv mira i bezopasnosti chelovechestva : monografiya. — M. : Yurlitinform, 2004. — 256 s.

[3] Ukrainskie komandiry Zelenko i Kolyada zaочно prigovoreny k pozhiznennomu lisheniyu svobody // 2-j Zapadnyj okruzhnoj voennyj sud: oficial'nyj sayt. — 2025. — 10 dekabrya. — URL: http://2zovs--msk.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=124 (data obrashcheniya: 12.04.2026).

[4] Zhitel' Moskovskoj oblasti priznan vinovnym v sovershenii terroristicheskogo akta s ispol'zovaniem bespilotnyh letatel'nyh apparatov na ob"ekty grazhdanskoj infrastruktury goroda Kurska // Sledstvennyj komitet Rossijskoj Federacii: oficial'nyj sayt. — 2025. — 12 avgusta. — URL: <https://sledcom.ru/press/smi/item/2009512/> (data obrashcheniya: 12.04.2026).

[5] Arhipova E. N. (2023) Problemy souchastiya pri sovershenii prestuplenij s ispol'zovaniem distancionno upravlyaemyh ustrojstv

// Uголовное право. — 2023. — № 6. — S. 18–25.

[6] Malikov S. V. (2022) Uголовное право. Obshchaya chast' : uchebnik dlya bakalavrov. — M. : Prospekt, 2022. — 456 s.

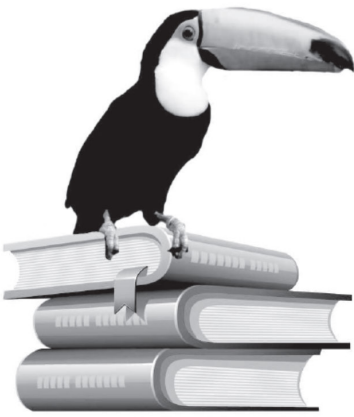
[7] Kibal'nik A. G. (2013) Nekotorye problemy ponimaniya souchastiya v resheniyah sovremennyh mezhdunarodnyh tribunalov // Mezhdunarodnoe uголовное право i mezhdunarodnaya yusticiya. — 2013. — № 6. — S. 3–6.

[8] Chuchaev A. I., Gracheva Yu. V., Malikov S. V. (2021) Posyagatel'stva na informacionnuyu sistemu bespilotnika v etiologii dorozhno-transportnyh proisshestvij // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. — 2021. — T. 15, № 1. — S. 55–67.

[9] Kibal'nik A. G. (2023) Tekhnologicheskij progress i otstavanie uголовного zakona: postanovka problemy // Gosudarstvo i pravo. — 2023. — № 8. — S. 45–53.

[10] Rogers A. P. V. (2012) Law on the Battlefield. — 3rd ed. — Manchester : Manchester University Press, 2012. — 402 p.

[11] Schmitt M. N., Thurnher J. S. (2013) "Out of the Loop": Autonomous Weapon Systems and the Law of Armed Conflict // Harvard National Security Journal. — 2013. — Vol. 4, no. 2. — Pp. 231–281.

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru